

Российские
ропилеи

Александр ВЕСЕЛОВСКИЙ

Избранное:
На пути
к исторической
поэтике

ББК 1(470)(091)
(082.1) ББК87.3 В38

В 38

Главный редактор и автор проекта «Российские Пропилеи»
С. Я. Левит

Редакционная коллегия серии:

Л. В. Скворцов (председатель), В. В. Бычков, Г. Э. Великовская,
И. Л. Галинская, П. С. Гуревич, А. Л. Доброхотов, В. К. Кантор,
И. А. Осиновская, Ю. С. Пивоваров, Г. С. Померанц, А. К.
Сорокин, П. В. Соснов, Т. Г. Щедрина

Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома
И. О. Шайтанов

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и
массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Веселовский А. Н.

Избранное. На пути к исторической поэтике .

В 38 Автокнига, Центр гуманитарных инициатив, М-СПб, 2010.
— 687 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) – филолог, историк, теоретик культуры. Настоящий том в издании избранных работ великого русского филолога А.Н. Веселовского продолжает публикацию его «Исторической поэтики». В первом томе были собраны и впервые расположены согласно авторскому плану все написанные ученым работы. Второй том представляет собой реконструкцию ненаписанного, заполняя лакуны в плане «Исторической поэтики» работами сходной проблематики, созданными в разные годы по следующим разделам: «История идеалов», «История личности», «История поэтических родов». Отдельный раздел составляют работы, показывающие становление сравнительного метода, положенного АН. Веселовским в основание своей поэтики.

© С. Я. Левит, составление серии, 2010

© «Автокнига», 2010

© И. О. Шайтанов, составление тома,

вступительная статья, комментарий, 2010

ISBN 978-5-88415-994-5

Содержание

От составителя.....	5
О методе и задачах истории литературы как науки	9

Годы учения

Автобиография	29
Из тетради «Adnotationes» (Из дневника человека, ищущего пути)	36
Отчеты о заграничной командировке (1862—1864).....	39

Метод новой поэтики — сравнительный

Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса.....	79
Сравнительная мифология и ее метод	167
О романо-германском кружке в Петербурге и его возможных задачах.....	212
Заметка. Новый журнал сравнительной истории литературы	224

История идеалов

Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви.....	237
Из истории Naturgefühl.....	295
Из поэтики розы	304

Возрождение

Взгляд на эпоху Возрождения в Италии	315
Положения к диссертации «Вилла Альберти»	330
Противоречия итальянского Возрождения	333

История личности

Из книги «Боккаччо, его среда и сверстники».....	369
Введение	369
Неаполь. Наука и любовь. Юношеская лирика и «Филострато».....	373
Художественные и этические задачи «Декамерона».....	417

История поэтических родов

Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов 1881—1882 и 1884—1885 гг.).....	507
Греческий роман.....	521
История или теория романа?.....	577
П.Д. Боборыкин. «Европейский роман в XIX-м столетии. Роман на Западе за две трети века». СПб., 1900.....	602
[Задача исторической поэтики].....	617
Список работ по эстетике, литературе, фольклору, на иностранных языках цитируемых и упоминаемых	
А.Н. Веселовским. <i>Сост. И.О. Шайтанов</i>	649
А.Н. Веселовский. Библиография 1906—2004 гг. <i>Сост. И.Л.Беленький</i>	654
Указатель имен. <i>Сост. И.И. Ремезова</i>	673

Раздел I. Южнорусские былины

Занимаясь с некоторого времени вопросом о составе и развитии южно-русского эпоса, я разрабатывал частями его отдельные циклы¹⁾, стараясь определить их как особи и вместе уследить идею их связи с целым^{2*}. Таким образом получились ряды обобщений, охватывающих весь южно-русский былевой эпос. Самый характер исследования, определенный своеобразным качеством материала, указывает место этим обобщениям не в предисловии, а в послесловии к исследованию. Основанные на известном, хотя бы и значительном количестве частных наблюдений, они явились бы в начале труда программой, которая связала бы отчасти их дальнейшую объективную выработку, обусловленную не столько новыми данными, открытием которых всегда возможно, *сколько проверочным, взаимным сравнением частных выводов, полученных из изучения каждой былинной группы порознь*. Такой обоюдный контроль представляется мне одним из немногих экзегетических приемов при критике песенного предания, не записанного в древних текстах, которые позволили бы построить его /1/ генеалогию; выработавшего целый ряд определенно-очерченных богатырских типов, которые, сами являясь вопросом исторического сложения и последовательных наращений, не могут служить исходной точкой для восстановления древней песенной основы.

Между тем и частные результаты, добытые при разборе отдельных былинных групп, в свою очередь нуждаются в проверке — со стороны лиц, занимающихся тем же вопросом. С этой целью и печатаются следующие опыты. Что касается до порядка их появлений^{3*}, то он не отвечает органической программе, выражающей идею былинного развития, как *пока* она представляется автору — потому именно, что проверочные исследования могут повести к ее, теперь не предусмотренным, изменениям. /2/

¹⁾ Сл. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, Archiv für slavische Philologie, III, p. 549—93.

^{2*} Речь идет о работе А.Н.Веселовского, опубликованной на немецком языке. Познакомиться с ней, с ее переводом и комментариями к ней можно в книге: А.Н.Веселовский. Работы о фольклоре на немецком языке (1873-1894). Тексты. Опыт параллельного перевода. Комментарии. Составление, перевод, вступительная статья, комментарии Т.В.Говенько. Отв. ред. чл.-корр. РАН В.М.Гацак. М.: Наследие, 2004. — прим. Составителя.

^{3*} На заседании Отделения русского языка и словесности в 1880 г. было утверждено следующее содержание книги Веселовского «Южнорусские былины»: 1. Былины о Михаиле Даниловиче и младших богатырях; 2. Илья Муромец и Соловей Будимирович в письмах 1547 года; 3. Былины об Иване Гостинном сыне; 4. Чурило Пленкович и Суroveň-Суздадец; 5. Бой отца с сыном в русском народном эпосе; 6. Как перевелись на Руси богатыри; 7. Алеша Попович и Тугарин — Илья Муромец и Идолище; 8. Песня о Дюке Степановиче, ее состав и источники. В окончательном варианте многие из этих названий получили другую формулировку, а перечень обогатился главами: «Былины о Сауле Леванидовиче и греческая песня об Армури», «Царь Константин в русских и южно-славянских песнях», «Алеша «бабий пересмешник» и сюжет Цебелина». В ходе исследования, план несколько изменился. — прим. Составителя.

I

Михаил Данилович и младшие богатыри

I

Малорусское сказание о «золотых воротах» записано было и издано впервые Кулишем¹⁾ и в той же редакции воспроизведено гг. Антоновичем и Драгомановым²⁾. Под Киевом (в Гвоздове) слышал его, и почти в том же пересказе, польский писатель Михаил Грабовский³⁾; в Киеве же слышал его, в детстве, г-н Стоянов, но еще в форме песни⁴⁾; далее будет сказано несколько слов о варианте легенды, сообщенном Н.И.Костомаровым⁵⁾. В недавнее время новая редакция того же сказания напечатана была в «Малорусских народных преданиях и рассказах» Драгоманова⁶⁾.

Мне несколько раз приходилось возвращаться к этой легенде⁷⁾ и предложить ее объяснение, с сущностью которого согласились новейшие исследователи малорусских народных песен⁸⁾. Настоящая заметка назначена не столько отменить, сколько видоизменить мое прежнее объяснение — в интересах южнорусского эпоса^{9*}. Л.Н.Майков (О былинах Владим[ировского] цикла,

---

¹⁾ Кулиш, Записки о Южной Руси, Киев, 1856-7, I, стр. 3—5.

²⁾ Исторические песни малорусского народа с объяснениями Антоновича и Драгоманова, I, № 15. Киев, 1874—5.

³⁾ Кулиш, I, с., стр. 5 — прим. Составителя.

⁴⁾ Антон. и Драгом., I, с., стр. 51.

⁵⁾ Костомаров, Историческое значение южнорусского народного песенного творчества, Беседа, 1872, XII, стр. 39—40.

⁶⁾ Драгоманова, Малорусск. народн. предания и рассказы, Киев, 1876, стр. 249—251.

⁷⁾ В заметке, помещенной в С.-Петербур. Ведомостях 1874 г., Октябрь по поводу 1-го выпуска песен гг. Антоновича и Драгоманова; в Опытах по истории развития христианской легенды: Легенда о возвращающемся императоре, Ж.М.Н.П., 1875 г., Май, стр. 78—79; в отчете о Малорусск. нар. предан. и рассказах Драгоманова, помещен. в Древней и Новой России, 1877, февраль.

⁸⁾ Антонович и Драгоманов. Истор. песни малорусск. народа, II, предисловие, стр. VII.

^{9*} Ранняя точка зрения А.Н.Веселовского на этот вопрос заключалась в том, что он не видел в легенде о Золотых Воротах ни исторического, ни специально-русского характера. Источник рассказов о Михаиле он признавал литературным, «перешедшим в народ и там принявшим и новые формы изложения, и местное киевское приурочение» [Веселовский, 1938, 181]. — прим. Составителя.

[СПб., 1863], стр. 32) и О.Ф.Миллер (Илья Мур[омец и богатырство Киевское: Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869], стр. 694) сближали Михайлика малорусской легенды с Михайлом Игнатьевичем русской былины. Новый вариант последней, сообщаемый мной далее, дает этому сближению более прочные основы.

Легенда о Золотых Воротах, в редакции Кулиша, рассказывается таким образом: «Как было лихолетье, пришел чужеземец, татарин, и вот уж ударил на Вышгород, а потом подступает и к Киеву. А тут был богатырь Михайлик. Как взошел на башню да пустил из лука стрелу, то стрела и упала татарину в миску. Только что сел он у скамейки и благословился обедать, как стрела и воткнулась в печёну (жаркое). «Э, — говорит, — да тут есть могучий богатырь!.. Выдайте! — говорит киевлянам, — выдайте мне Михайлика, так отступлю». Вот киевляне шушу-шушу и советуются: «Что же? Выдадим!» А Михайлик говорит: «Как выдадите меня, то в последний раз видеть вам Золотые Ворота». Сел на коня, обернулся к ним и проговорил:

Ой Кияне, Кияне, панѳве громада!
Погана ва́ша ра́да:
Як-би ви Миха́йлика не отдава́ли,
Поки світ сонця, ворог б к ева не доста́ли! /4/

И поднял он копьём ворота так вот, как поднимешь сноп святого жита, и поехал через татарское войско в Цареград. А татары и не видят его. И как открыл ворота, то чужеземцы ввалились в Киев да и пошли по́топтом. И живет богатырь Михайлик доселе в Цареграде. Перед ним стаканчик воды да просфорка, больше ничего не ест. И Золотые Ворота стоят в Цареграде. И наступит, говорят, время, что Михайлик воротится в Киев и поставит ворота на место. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажет: «О Золотыя Ворота! Стоять вам там опять, где стояли», — то золото так и засияет. Если ж не скажет, или подумает: «Нет уж, не бывать вам в Киеве!» — то золото так и померкнет.

В песне, слышанной Стояновым, Михайлик стрелял три раза: в первый раз он выбил у султана трубку из зубов, другой стрелой убил его самого, а третьей — его жену.

Редакция той же легенды, записанная Трусевичем¹⁾ предлагает кое-какие новые подробности — между прочим, ту, что насильник Киева назван Батыем. Принадлежит ли рассказчику отождествление Михайлы с основателем Михайловского монастыря

¹⁾ Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijów 1870. — С. 237—238.

(построенного Святополком-Михаилом), мы не знаем. Как в предыдущем пересказе легенда начинается с того, что войско Батыего стало в Вышеграде (wojska jego stanęły w Wyszogrodzie [войско его стояло в Вышеграде — польск.]). Далее она передается таким образом.

Wiele razy Batij przypuszczał szturm do Kijowa, ale zawsze napróżno. W Kijowie mieszkał w owe czasy znakomity recerz *Michałko* (ten sam właśnie, który zbudował Michałowski monastér) był on oddawna postrachem tatarwy i dzielnym obrońcą Kijowa. Wiedział to dobrze Batij, że dopóki tylko żyje na świecie Michałko, do sądnego dnia, nawet, nie wiaść mu Kijowa; wiedział to psia wiara, ale bał nie mógł na to poradzić. Jednego tedy /5/ razu Michałko, opatrując strażę, zobaczył z wałó Batego, siedzącego, ze swoją tatarwą, na wyszogrodzkiej górze. Akurat jedli oni wtedy obiad. Michałko napisał drobnymi literami piśmo, w którym radził Batemu odejść od Kijowa, przywiązał to piśmo do strzały I wypuścił ją z łuka do Batego. Srebrna łyżka wypadła z ręki tatarskiego Atamana. Strzała jak raz przeszła mu rękę na wylot. Rozwścieklony Batij w téj że chwili wysłał postów do Kijowa z tym rozkazem, żeby mu wydali natuchmiast Michałka; w przeciwnym, razie, groził spaleciem całego miasta I wyrznięciem w niem wszystkich mieszkańców, nie wyjmując nawet kobiet I dzieci drobnych. Michałko poprzysiągł pobić Batego I ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańce nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą I, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Otoż tedy strach otrzymał, wreszcie, zwycięstwo I Kijowianie uradzili pomiędzy sobą wydać Michałka. Dowiedziawszy się o tém Michałko, prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud I Kijów święty. Wdziął on tedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia I wyjechał na plac złoto-wrotsky. Tam zgromadzonemu lusowi, przedstawił Michałko smutną dolę Kijowa, jaka go czeka po wejściu tatarów, a w końcu, widząc niezachwiane postanowienie Kijowian, rzekł: «oj panowie gromada! kiepskaż wasza rada» (Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada), a powiedziawszy to Michałko uderzył kipiję w złote wrota, podniósł je na plecy, jakoby kopicę siana, i, wraz z niemi, powoli wyjechał z miasta. Od tego czasu złotych wrót nie stało w Kijowie. Mówią starzy ludzie, że kiedyś powrócą i złote wrota i Michałko, ale kiedy? Jeden Bóg święty raczy to wiedzieć. [Много раз Батый предпринимал штурм Киева, но всегда напрасно. В то время в Киеве жил знаменитый рыцарь Михалко (тот, что построил Михалков монастырь), он издавна наводил ужас на татар и славился тем, что был храбрым защитником Киева. Батый хорошо знал, что пока живет на свете Михалко, аж до самого Судного дня не взять ему Киева; знал он — песья вера, но нет! — ничего с этим поделать не мог. Однажды как-то Михалко, проверяя стражу,

увидел с холма Батя: тот сидел со своей татарвой на вершине горы. И как раз они в это время обедали. Михалко написал мелкими буквами послание, в котором советовал ему отойти от Киева подобру-поздорову, привязал свое письмо к стреле и выпустил ее из лука прямо на Батю. Серебряная ложка выпала из рук татарского атамана. Стрела пронзила ему руку и вышла навывлет. Разъяренный от бешенства Батый в ту же минуту послал в Киев послов с требованием выдать ему тотчас же Михалку. Иначе, грозил он, спалит весь город и истребит всех, без исключения, жителей, даже женщин и малых детей. Михалко пообещал побить Батю и спасти город, но напуганные жители не решились выступить против Батю. Они собирались толпами на улицах и непрерывно о чем-то друг с другом совещались, ну и как водится, бабы плакали. Весь народ любил Михалку, весь народ свято верил в его доблесть, но помимо этого еще больше весь народ боялся татар. И вот обьял всех страх, и — победа: порешили между собой киевляне выдать Михалку. Узнав об этом, Михалко попросил, чтобы ему позволили, по крайней мере, попрощаться с народом и святым Киевом. Надел он тогда на себя свои доспехи, сел на любимого коня и выехал на площадь с Золотыми Воротами. Там перед собравшимся народом Михалко представил печальную участь Киева, какая его ожидает, как только сюда войдут татары, а в завершение речи, видя непоколебимую решимость киевлян, сказал: «Эй, господа великие, скверны ваши дела!» («Киевляне, киевляне! Поганое ваше дело!») — и, проговорив это, ударил Михалко копьем в Золотые Ворота, поднял их на плечо, как копну сена, и вместе с ними медленно удалился из города. С тех пор не стало в Киеве Золотых Ворот. Старые люди сказывают, что когда-нибудь вернутся и Золотые Ворота, и Михалко, но когда это будет? Один святой Бог может только знать — пер. с польск. Е.Твердисловой¹⁾.

¹⁾ *Легенда о Золотых Воротях повторена Трусевичем в «Киевлянине», 1866, № 4: «Народные легенды про Киев и его окрестности» в русском пересказе. Она интересна лишь потому, что связь имени Михайлика с Михайловским монастырем оказывается принадлежащей не Трусевичу, а старику, от которого он записал свои рассказы. Кроме того в русском переводе ярче выступают наивные и шуточные изменения и переделки, несомненно принадлежащие перу Трусевича. Вообще это материал довольно подозрительного качества: попадают рассказы, несомненно, существующие в Малоросии, но Трусевич, очевидно, поддался их а'la Сахаров; попадают такие, параллелей на которые в литературе нет, и очень трудно определить степень их достоверности и отделить народное от принадлежащего Трусевичу]. Та же легенда напечатана Кулешем в «Укр. нар. пред» (ч. 1, отд. 1, Москва, 1847), экземпляр которой, чуть ли не единственный, находится в Имп. Публ. Библ. Текст почти во всем сходен с текстом Грабовского. В предисловии Кулиш сознается в «исправлении некоторых выражений». Так как при издании «Записок о Южной Руси» он имел под руками запись только одного Грабовского, то по всей вероятности, отличия всецело принадлежат Кулишу (из письма ко мне Вл. Кулиша от 5 дек., 1888 г.). — дополнение А.Н. Веселовского.*

В легенде, слышанной Н.И.Костомаровым, Михайлик назывался *Михайлом Семилетком*¹⁾; он необыкновенный ребенок, которому предстоит возрасть в Константинополе. /6/

Переходим к легенде, изданной Драгомановым в «Малорусских народных преданиях и рассказах»: «Колись, каже, давно то ще, був князь на світі Владимир. Володимер князь царством всім обладу..., а Михайл то *син царський*, али ще він молодий, то на царство ёго не садовлять; нехай підроста..., а Володимер то старіший, то він усім і править. Добре, так оце ді.ться. ... А в стороні татаре свое царство моють. То ніби їдно царство, а то татарське друге, і в стороні татаре жиють. І знахорі татарські стали ворожити, догадались про Михайла, кажуть своїм: «глядіт, щоб не було чого нам, росте з боку коло нас такий і такий Михайл; тепер от ёго і нечути, а виросте той Михайл, тоді вже будемо знати, що то за Михайл; кажуть знахорі, що воїн, воїн з ёго вийде, може ще світ не бачив такого ліцера». Росказали знахори про Михайла; тепер треба шось робити. Татарський пише до Владимира: «ми довідались, пише Татарський, за Михайла, він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте — то віддай нам ёго, будьмо сватами». Ото Володимер склика...людей, говорить, що Татарський хоче до себе взятии Михайла, далі да...цю річ до Санату. Міркували скрізь, чи зробити так, як Татарський пише, і присудили, що віддаймо малого. Вся громада сказала так...

Ну, ото присудили так, Володимер примітив, що Михайл став хмурний дуже, ходить такий засмучаний... *А Михайл був уже паробок літ 18*. Спитав Володмиер ёго: «що ёму за туга така?» *«Михалятко-дитятко!* Чого ти засмучаний такий?

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Київа на тебе йде...

Міні так зда.ться, що журитись тобі нема чого. Михайл і каже Володимерові:

Господару-Цару Володимеру!
Так, в мене чаша золотая,
Вина повная
Завжде... /7/

---

1) К «Михайлу семилетке» сл. заметку Савича в Киевской старине 1889 г. Март, стр. 733-9: заметка о малорусских «семилетках богатырях» или близнецах. — дополнение А.Н. Веселовского.

І часть Київа на мене йде,
Али Київська громада,
То зла в неї рада...

Володимир на це..прмовчав. А Михаїл каже до меча свого, що на стіні висів:

Мечу мій мечу! та на Татарове,
Мечу мій мечу! та на Юланове...

Михаїлові буйдуже, що Татаре хтять ёго братии, він меч свой як візьме, то... Али Володимир це..вислухав і дивиться, що Михаїл малий такий, і каже йому: *«Михалятко-дитятко! молоде ти і неспособіне, то тра щоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись»*. Володимир так до Михаїла говорить, а Михаїл ёму одказу..по своєму:

«Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке».

Тоді Володимир каже до Михаїла: «як так оце ти говориш, то, Боже, тебе благослови».

Після того Михаїл взяв меч, копію, коня ёму вивели; їде Михаїл і зостріча.., що стоїть Татаруга, Турок той; Михаїл нічого не робив, оно перехристив вісько татарське своїм мечем. То по обидві сторонни Михаїла не стало того віська: на ліву сторону то так як огнем спалило, на праву — так як солому виклав. Як посів те..вже вісько, Михаїл, то поїхав в світа і пришлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь *гори*...і став там жити, тай досі, каже, живий... а може й помер... Так оце розказують про Михаїла...».

Конец этой легенды, особенно в редакции Кулиша, ее эсхатологический характер (ожидаемое в будущем возвращение Михайлика в Киев), связь Киева с Царьградом, нако/8/нец имя Михаила — все это привело меня к заключению, что в легенде мы имеем народный, приуроченный к Киеву пересказ эпизода, находящегося в поздних русских текстах «Откровений» Мефодия интерполированной редакции¹⁾. Популярность «Откровений», распро-

¹⁾ См.: Тихонравов. Пам. русск. отр. литер., II, № III, стр. 255—263 и ркп. Имп. Публ. Библ., XVII, № 82, (1602 г.). Сл.: Опыты по истор. разв. христианск. легенды, I. с., стр. 62—73.

страненных во множестве списков, легко объясняла такого рода местное, народное применение, примеров которого можно бы привести немало: многие из так называемых местных сказаний не что иное, как локализованные повести и анекдоты, так что интерес локализации состоит не столько в содержании сказаний, сколько в открытии причин, высказавших их приурочение.

Рассказ интерполированных «Откровений» следующий: в последние лета выйдут измаильтяне и попленают всю землю и дойдут до Рима; дважды побежденные римлянами, они «Рим возьмут, а не всю землю, и дойдут до Говата великаго, иже есть за Римом». Здесь произойдет великая сеча, и победа останется на стороне измаильтян, которые овладеют Персией, Грецией, Ассирией, Египтом и морскими островами; останется только один город на море Эфиопском (т.е. византийском, как поясняет греческий текст), не взятый врагами; очевидно, Константинополь. Измаильтяне подступят к нему, «прійдуть к златымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ летъ), никому же не отверзошась. Т..мъ же повел.ниемъ Божимъ отверзнутся имъ, и пойдуть и дос..куются св.ты...Софїи». Тогда явится избавитель: «Возстанеть на н...царь отъ нишихъ, Архангелъ Михаилъ во им...его»; Ангел принесет его из Рима и положит во [соборе] святой Софии на алтаре. Тогда царь Михаил «возстанеть яко отъ сна и возьметъ мечь свой и рече: «дадите ми конь борзъ», и поидеть противу Измаиловичъ съ великою яростию и нанесетъ мечь свой на нихъ съ гн..вомъ. Ангелъ же господень, первое ходивый со Измаиловичи, обра/9/тится съ Михаиломъ на нихъ и расслабитъ сердце Измаильтиномъ, яко воду, а т..леса ихъ аки воскъ растають, и мужество ихъ ни во что же будетъ». Победив врагов, Михаил воцарится, и настанет повсюду тишина и благоденствие и добродетельное житие; но люди вскоре забудутся, начнут жить беззаконно, и за то разгневаются на них Господь: «и повелить Господь Михаилу царю скрытися въ единомъ (отъ) острововъ морскихъ. И внидетъ царь Михаилъ въ корабль, и отнесет его Богъ въ единъ отъ острововъ морскихъ, и пребудеть въ немъ до уреченнаго ему времени». Следует в тексте «Откровений» пространная вставка из Жития Андрея Юродивого: тогда разверзнутся горы «сиверскія», и выйдут оттуда Гог и Магог и будут неистовствовать и дойдут до Иерусалима и Иосафатовой долины, где будут побиты Архангелом. Беззаконные цари следуют друг за другом в Царьграде, затем текст продолжает: Антихрист родится в Хоразине, вскормлен в Вифсаиде, воцаряется в Капернауме. «Егда же Божимъ повелениемъ царь Михаилъ отъ морскихъ острововъ принесенъ будетъ и сядетъ во Иерусалим...на царство и будет царствовать 12 л..тъ», — Антихрист придет к нему и послу-

жит, и будет им возлюблен; и будет сначала кроток и смирен, богобоязлив, нишелюб, и станет творить чудеса. «Егда же прійдетъ 12 л.т, и тогда царь Михайль, возставъ и прійдетъ на м.сто святыхъ Голгофы, ид.же распятыя Христось Богъ нашъ. И ту снидетъ съ небеси животворящій крестъ Господень и станеть на м.ст...Голгофы. Царь же Михайль, ставъ предъ нимъ, и сойметъ в.нець свой съ главы своея и возложить его на животворящій крестъ. Царь же, возд.въ руц...свои на небо, и предасть царство свое Богу... И паки животворящій крестъ взыдетъ на небо предъ вс.ми людьми и съ в.нцемъ царя Михайловымъ. Царь же предасть душу свою въ руц... Божіи и уснетъ в.чнымъ сномъ».

Отношения этого эпизода к малорусскому сказанию о Михайлике (за вычетом местного приурочения и народных черт, /10/ в роде малолетства богатыря) представлялись мне следующими: измаильтjане осаждают Византию, как татары Киев; там и здесь Михайл-Михайлик является освободителем; тот и другой удаляются на время, и возвращение обоих ожидается в неопределенном будущем: будет время. Связь Киева с Царьградом (куда удаляется Михайлик, где он, по другой редакции, воспитывается), упоминание Золотых Ворот (перенесенных из Киева в Царьград; сл. в эпизоде Мефодия Золотые Врата, к которым подступают измаильтjане), наконец эсхатологический характер последней части малорусской легенды: таковы были основания, увлекшие меня к предположению, что в сказании о Михайлике сохранилась в иной обстановке, с Киевом и татарами вместо Царьграда и Измаильтjан, повесть о последнем императоре Византии, Михаиле¹⁾. *Знакомство с новой редакцией русской былины о Михаиле Даниловиче заставило меня видоизменить этот взгляд. Я предполагаю, что в киевском богатырском эпосе действительно существовал рассказ о малолетнем богатыре Михаиле, что он сохранился в великорусских былинах о Михаиле Даниловиче, тогда как одна из редакций подпала под влияние эсхатологического сказания о последнем императоре и обернулась — малорусской легендой о Михайлике.*

Прежде чем предложить доказательства, постараемся свести к немногим общим чертам содержание легенды, извлекая их из известных нам редакций.

1. *Михаил — юный богатырь*; ему семь лет (Костомаров) или 18 (Драгоманов) — цифра, вероятно, ошибочная (вместо 12?), поставленная рассказчиком по требованиям вероятия, тогда как он же заставляет Владимира обращаться к Михайлику не иначе, как с воззванием: «Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосібне (ему 18 лет),

---

¹⁾ Опыты, I. с., стр. 78.

то тра шоб бути літ 20 (!) або 30, тоді хіба за меч можна братись». Очевидно, /11/ что и в редакции Драгоманова Михалятко-Михайлик Кулиша являлся мальчиком. *Он сильный богатырь*, про то знают татары (Кулиш, Драгоманов) и потому его боятся. Заметим в пересказе Драгоманова: *Татарове-Юланове*. Только в этом последнем пересказе Михаил является в каких-то неясных, как будто родственных отношениях к Владимиру, которого величает: «*Господару Цару*» (царь-государь). Рассказывается так: князь Владимир правит всем царством, он *старший*, а Михаил, *сын царский*, был еще юн, «то на царство его не садовлять». В другом месте Владимир говорит ему, что «на него идет» часть Киева, а татарский царь пишет про него: «він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте». Может быть, эти родственные отношения Владимира и Михаила принадлежат древнему сказанию — хотя положительного здесь сказать ничего нельзя при недостаточности данных. Выражение: «і часть Київа на тебе йде» мы постараемся объяснить в иной связи.

2. *Татары-Юланове подходят под Киев.*

3. *Недруги Михаила, киевляне, требуют его выдачи татарам. Он жалуется на поганую, злую Раду киевлян.* Так в редакции Кулиша и в пересказе Драгоманова.

4. *Михаил выходит против татар*, Владимир его удерживает. Когда юноша берется за меч, чтобы идти на вражье войско, Владимир останавливает его словами: ты еще молод, не твое это дело — а Михаил отвечает ему, что богатырство у него рожденное, как вылупившемуся из яйца утенку природно плавать по синему морю¹⁾.

5. *Михаил побивает Татар-Юланов.*

6. *Он удаляется* в Царьград, куда перенес и Золотые Ворота, где живет, питаясь водой и просфорой; или же в какие-то горы. /12/

II

В сборнике Киреевского²⁾ напечатаны две былины под заглавием «*Данило Игнатъевич с сыном*». Так как главным действующим лицом в них является сын, и этот сын назван Михаилом (так у Киреевского, № 11 и в сказке-побывальщине, сообщенной ниже; в № I, Кир. имя ему Иван), то ближе к делу было бы такое заглавие: «*Былины о Михаиле Даниловиче*».

¹⁾ Сл. относительно этой анекдотической черты новеллу в «Вилла Альберти» и у Des Periers. Сл. Вилла Альберти, стр. 289—290. *Изд. Акад., т. IV, стр. 466-7. — дополнение А.Н. Веселовского.*

²⁾ Песни, собранные Киреевским, вып. 3, стр. 39—51.

1. В Киеве постригся в монастыре сильный, могучий богатырь Данило Игнатьевич. Прослышали орды неверные, что не стало у Владимира сильного богатыря, и пишут ему ярлыки: пусть вышлет им поединщика, не то они выжгут, вырубят все его царство и самого его в полон возьмут. Растужился, расплакался Владимир князь, что некому у него съездить в чисто поле, некому привести языка поганого. Приходит к нему молодой юноша, «двенадцатилетец»¹⁾; былина называет его Иваном Даниловичем²⁾, но сравнение с другой былиной и побывальщиной, как и следующее сближение с Михаилом малорусского сказания, заставляют предположить здесь позднюю замену одного имени другим, более ходячим. Далее мы будем называть двенадцатилетнего богатыря Михаилом. Он вызывается перед князем съездить в чисто поле, проведать орды великие, привести языка поганого. Владимир останавливает его — его молодостью:

Молодехонек, зеленехонек,
Ты на больших боях не бывывал.

Но Михаил говорит ему, что он пойдет к бабушке родимому, возьмет у него благословеньице великое, попросит коня и сбрую богатырскую. /13/

¹⁾ *Двенадцатилетний богатырь. Сл. Сагу о Финнбоге Сильном, исслед. Ф. Батюшкова. СПб., 1885, стр. 5. — дополнение А.Н. Веселовского.*

²⁾ *Сл. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 43 след. (Иван Данилович, в № 1 Кир.): отделяет былины об Иване (=Михайле) от песен о Василие, а в первом видит Ивана Даниловича, состоявшего на службе у вел. кн. Ярополка Владимировича Киевского, «славного богатыря» (Никон. летоп. под 1136 г.; в Ипат. летоп. имени Ивана нет и рассказ короче), убитого половцами в битве под р. Супое в 1136 г. Кроме сведения о смерти в Летописи нет ничего, поддерживающего сюжет былины, один вар. которого упоминает имя Ивана, вместо обычного Михайлы. Поддержкой гипотезы Халанского является малорусская дума об Иване Коновченке (I. с., 45 sqq.), представляющей план несомненно сходный с былиной об Иване=Михайле и даже их общее место: полковник удерживает Ивана, предъявляющего желание «на герці позуляти [за віру християнську достойно-праведно стати]:»*

«Эй, Ивасю Вдовиченку!
Ще ти дитя молоде,
Розумом недійшло,
У походах не бувало,
Крові хритияньскої не видало» и т. д.
Ивась отвечает:
«Эй, хвилоне, корсунський полковниче,
Батьку старий!
Возьми ти утя □дно старе □,
А друге мла де □,
Пусти ти на воду:
Чи не равно буде плисти младе,
Як би старее?» — дополнение А.Н. Веселовского.

Былина непосредственно переносит нас к этой сцене. Михайло в монастыре:

Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевич!
Дай ты мне благословеньице великое,
Коня добраго и сбрую богатырскую.

Отец также пытается остановить его, указывая на его юные годы, но потом склоняется на его просьбы.

Юноша едет в чистое поле, а татарской силе конца не видно, сметы нет. Конь под ним разъярился и свалил его; встал молодец на резвы ноги, взял татарина за ноги и стал побивать им силу неверную; всю побил и лег ночевать в шатре. Между тем конь его прибежал к монастырю, где сидел его отец; как увидел его Данила, вскочил на него, прискакал к шатру,

И — пых из лука стрелой — шатер белый сшиб,
И увидел свое детище.

Затем оба отправляются к Владимиру.

Конец былины представляется мне несколько скомканным, хотя не безэффектно. Настоящее место шатра и опочива, вероятно, сохранилось в побывальщине.

2¹⁾. Былина открывается одним из обычных пиров Владимира, на котором все напивались и все порасхвастались — кто чем. Один молодец не пьет, не ест, и не хвастает.

И повесил молодёц да буйну голову:
И еще на имя Данила свет Игнатьевич.

На вопрос Владимира он отвечает:

- Ише чим мне-ка, Владимир князь, видь хвастати?
- Ни двора-то у меня широкого не было,
- Золотой у меня казны видь не лучилося,
- А и сила-та была видь во мне ровная. /14/
- Видь служил я у тебя да пятьдесят годов,
- Да убил я тебе видь пятьдесят царёв,
- А мелкой силы убил — да той и смету нет.
- Топерь от роду мне стало девяносто лет:

---

¹⁾ Заметим, что для этой былины издатель имел другой вариант или «образец», в котором юноша-витязь также носил имя Михаила.

— Ты спусти-тко, спусти, Владимир, в монастырь пречѣстные,
— Да во те ли спусти во кельи низкия,
— Да спасти мне-ка, спасти да душа грешная.
А ответ держал Владимир князь:
«Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
«Ише нѣкому делать видь защиты всему Киеву».

Еще раз просится Данило и указывает Владимиру на своего сына:

Да и будет те защита всему Киеву:
Есть видь у меня да сын Михайлушко.

И Владимир отпускает его. Далее былина совпадает с ходом предыдущей; рассказ о том, как Данила Игнатъевич отпросился в монастырь (сл. далее № 3) является прелюдией к песне о Михаиле. Неверные цари узнали,

Што во Киеви богатыри ушли в монастыри.

И вот под Киев подходит неверный царь и требует «поединщины». Смотрит Владимир — а вражьей силы в поле «будто облако ходячое нагонено»; на пиру он три раза («в первой, второй, во третей након») спрашивает у своих бояр, князей и палениц удалых, не найдется ли кого, кто бы съездил в чисто поле пересчитать силы неверные? Но большой хоронится за среднего, а средний хоронится за младшего, а от младшего Владимиру ответу нет.

А и в тую-то пору было, в то время
Выходил тут добродне доброй молодець
Из за тово он стола видь белодубова,
Ише на имя Михайло да Данилович.
Понизѣшеньку он Владимиру поклоняется,
Помалйшеньку ко Владимиру подвигается:
— Ты спусти-тко, спусти, Владимир князь, въ чисто полѣ,
— Пересчитывать-то видь силы неверныя. /15/
А ответ таков держал ему Владимир князь:
«Ой же ты, Михайло да Данилович!
«А и ростом-то видь ты же есть малешенѣк,
«Да и разумом-то ты же есть глупешенѣк;
«Топерь от роду, Михайло, те двенадцать лет,
«Потеряшь, брат, ты, Михайло, свою голову».

Разгневался тут Михайло: скоро шел «по сѣреды кирпичьныя», отворял двери на пяту и хлопнул ими так крепко, что оне рас-

сыпались на щепы, а палата зашаталась. Пошел к своей матери, оседлал лошадь добрую, выезжает во чисто поле — и тут раздумался, что не съездил он к своему родителю, не взял у него благословление. Он поворачивает к монастырю. «А в тую пору мать сыра земля да зазыбалася, — Старо старчишшо Данильшо засовалося: — А не мой ли видь приехал да Михайлушко?» Он спрашивает сына, куда путь держит, и узнав обо всем, начинает отговаривать его тягостью взятого на себя поручения:

- Топерь от роду, Михайло, те двенадцать лет,
- Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!
- А и то видь как Михайлу да не показалося,
- Скоро поворачивал добра коня въ чисто поле.
- И рыкал да старо старчишшо Данильшо гласом громкием:
- Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
- Да возьми-тко меня благословленье полноё.
- А поедешь ты, Михайло, во чисто полё,
- **Выедёшь ты на шеломя на окатисто,**
- А по Русскому — на гору да на високою,
- Да крычи-тко ты, Михайло, во всю голову,
- Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
- «Ай, которой же служил ты мойму батюшки,
- «Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку!»
- Прибежит тут конь да видь косматые,
- Стоить он на горы да на высокия;
- Да отмерь-ко ты, Михайлушко, как пять локоть,
- И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,
- Да во сторону копай да ты во встосьную:
- А и тутова збруя да видь богатырская. /16/

Михайло все достает по указанию отца, поехал в чисто полё:

Забречала его палица боёвая,
Засвистела его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчишшо Данильшо на зеленый луг,
Да просил он Спаса с Богородицей:
— Ты, Спаса всемилослива Богородица!
— Да прими-тко ты моленье пустынноё,
— Да прими-тко ты моленье скоро на-скоро,
— Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
— Исполнят он все да дела добрыя,
— Ише делат он защиту всему Киеву.
Только в тую было пору, в то время

Доброй конь у Михайла провешился:
«Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
«Не заежжай-ко се, Михайло, в силу в матику:
«А и копают тут *уланове* три погребя,
«А три погребя копают тут глубокие,
«И становят тут у погреб копы вострые,
«Ише первой-от я погреб дак перёскочу,
«Видь и другой-от я погреб да перёскочу,
«А третьёго мне-как погребя не перёскочить».

Он действительно не перескочил третьего, упал на задние ноги, уронил Михайла в глубокий погреб, где его схватили «уланове поганые», вязали ему руки белыми петлями шелкóвыми, ковали в железа тяжелые ноги резвые, повели к царищу ко Уланищу. — Михайло молится «Спасу с Богородицей», и у него «с двое с трое силы прибыло»: он разорвал петли, сломал железки и, ухватив «ослядь тележную», начал ею помахать. «Как вперед-то он махнет — дак туто улица, — А назадь-ту отмахнет — дак переулочек».

Далее былина № 2 спутала подробности, настоящий смысл которых легко восстановить при помощи № 1¹⁾. Рассказав о том, как Михайло перебил татар ослядью, № 2 продол/17/жает: тут прибежал к нему его конь, он садится на него, снова побивает татар, а царищу Уланищу отсекает голову, едет по чисту полю — а ему навстречу старчище Данилище, принимает Михайла за поганого улановина, убившего его сына, и готов вступить с ним в бой. Как видно, появление коня мало мотивировано, так как Михайло уже успел осилить неприятеля, и остается непонятым, почему именно Данило является на место битвы с готовым подозрением, что его сын убит. Настоящая последовательность былины была следующая: Михаил Данилович, сброшенный с коня, расправляется с татарами, убивает царища Уланища; между тем его конь прискакал в монастырь, и у Данилы вполне естественно является мысль, что его сына нет более в живых.

И вот, вооружившись железною клюкою в сорок пудов, он идет (или едет на коне Михаила, как в № 1), приговаривая:

- Ой, же вы еси, уланове поганые,
- А убили у меня вы сына Михайлушка!

Встретив сына, он не признал его:

---

¹⁾ Изд. песен Киреевского, по моему мнению, превратно поняли соотношения следующего эпизода в № 1 и 2. См. I. с., стр. 41, прим.*

— Ой же ты, улановин поганые!
— Да подвинься-ко сюда, да ко мне старому,
— Даκ розсеку я тя клюкой и с конемъ нѧ двое.
А скрычал Михайло гласом скромкием,
Ише скромкием он гласом, да робечьиєм:
«Стой-ко-се ты, монах, да удѣржи коня,
«Приздыни-тко свой колпак шелковые,
«Втогда да увидишь, кого надобеть!»
Приздынул монах колпак шелковые,
Подъеждал втогда Михайло близъ его.

Отец и сын узнали друг друга, и Михайло сообщает отцу, в какой он был беде, а убит не был:

«Видно ваши-то молитвы да пустынные
Видь последовали к Спасу многомилосливу! /18/
Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѣстные,
Да моли-тко ты, моли Бога по прежнему,
«А сам-от я поеду видь во Киев град»

(Рыбн., III, № 22 — дополнение А.Н. Веселовского).

В Киеве Владимир встречает его почетным пиrom.

3. Былина о Даниле Игнатьевиче, помещенная в сборнике Гильфердинга под № 192, представляет редакцию значительно сокращенную. Начало сходно с № 2 Кир.: былина открывается пиrom у Владимира¹⁾, у которого Данило отпрашивается в монастырь; но кому будет защищать Киев? Отвечает Данило:

«Есть у меня чадо и в девять лет.
Когда будет чадо в двенадцать лет,
И будет стоять по городи по Киеви
И по тебе Владимир стольне-киевской».

Сын Данилы назван, как Кир. № 1, Иваном.

Татары подходят под Киев; на пиру Владимир вызывает своих бояр, богатырей и поляниц — выбрать поединщика:

Ехать во далечо чисто полѣ,
Нам сила считать, полки высмекать.

Иван вызывается на подвиг.
Говорит царь таково слово:

---

¹⁾ В тексте он спутан с грозным царем Иваном Васильевичем.

«Нет ли поматерее ехать добра молодца?»
И говорят все князи, все бояре,
Все сильны могучи багатыри,
Все поляницы удалыи:
— Видеть добра молодца по походочкам,
— Видеть добра молодца по поступочкам.
Наливал осударь чару зелена вина,
Весом та чара полтора пуда,
Мерой та чара полтора ведра.
Принимал Иванушко единой рукой,
Выпивал Иванушко на единый дух. /19/
Вид'ли добра молодца сядучись,
Не вид'ли добра молодца поедучись.
А во чистом поли курева стоит,
Курева стоит, дым столбом летит,
Навстречу бежит родной батюшко,
Он голосом кричит, шляпой маше:
«Молодой Иванушко Данильевич!
Т не едь-ко в целый гуж,
Ты не едь-ко в пол-гужа,
Ты силу руби с одного плеча».

Посещения отца в монастыре нет, и нет его вторичного появления в конце былины. Конь Ивана (Михаила) «жествует» человеческим голосом, что татары копали погреба глубокие, и что третий ему не перескочить. И конь, и всадник попадают в погреб.

Расплакался добрый молодец.
Богородица Иванушку глас гласит,

поучает его, как порвать пути и железа — и былина кончается рассказом о том, как юный богатырь «стал татаринომ помахивать».

4. Следующая побывальщина, сохранившаяся в рпк. XVIII века, сообщена мне Л.Н.Майковым¹⁾. Она озаглавлена:

История о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде киеве, у великаго князя владимера всеславьевича, было пиrowание почестное на рус-

---

¹⁾ Она находится в рукописи, принадлежащей Московским Публичному и Румянцевскому Музеям № 774. Рукопись эта составляет тетрадку в 4-ю долю листа, занимающую в себе 12 листов и писанную скорописью второй половины XVIII в.; на листе первом находится заглавие, помеченное выше, а с листа 2-го идет самый текст; оканчивается он на обороте листа 11-го.

ския сильные богатыри. Пьеть, есть велики князь, те/20/шится, а надь собою кручины не ведаеть. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставить без привези, бежить во светлую горницу, пред княземъ колпака не сьмаеть; и сталъ говорить ему: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской, пьешъ ты и ешь и тешишься, а над собою, государь, кручины не ведаешъ: идетъ из большия орды царь бахметъ сынъ тавруевичъ, а с нимъ идуть богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысячечи; да с нимижъ идуть семь князей ширскихъ, а с ними силы идуть со всякимъ княземъ по семи тысячь; да с нимиже идуть сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всеи силы с царемъ бахметомъ сыномъ тавруевичемъ сметы н.тъ. И хоцеть твои столной градъ киевъ за щитомъ взять, князеи и боярь всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолитья». Тогда велики князь *владимеръ всеславьевичъ киевской закручинился; наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ триццати богатырямъ и говоритъ имъ: «Которой из васъ выпьеть турей рогъ меду слаткова, тот бы вынелъ ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую»*. И в то время болшеи богатыри хоронитца за меньшихъ, а меншай богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимается. Потомъ изъ техъ богатырей *выступаетъ младъ михило сынъ даниловичъ: «Государь князь велики владимеръ всеславьевичъ киевской! Я, государь, вытью турей рогъ меду слаткова и выиму ис под знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую»*. И в то время взговорить велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской: *«Младъ михило сынъ даниловичъ, малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ, всево тебе от роду двенаццать летъ; а умомъ ты, михило сынъ даниловичъ, глупешенекъ, в чистомъ поле не бывалъ¹⁾, криваго ты человека не види/21/валъ, на крепкомъ деле не стаивалъ, ребячьимъ умомъ говоришь»*. Ответъ держитъ младъ михило сынъ даниловичъ: *«Государь князь владимеръ всеславьевичъ киевской! Вели, государь, поимать гоголя и вели держатъ три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умеет-ли тотъ гоголь по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неумичиво»*. Тогда великому князю владимеру всеславьевичу киевскому то слово полюбилось. И говорить ему, младу Михаилу сыну даниловичу²⁾: *буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде киеве*. — Ответъ держитъ младъ михило сынъ даниловичъ: *«Много твоего государскаго жалованья»*. — И оседлалъ младъ михила сынъ

¹⁾ Вероятно: не бывавалъ.

²⁾ Ркп. младъ михила сынъ даниловичъ.

даниловичь добраго коня наступчитова с черкаскимъ седломъ и подтянулъ двенадцатью подпружинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырской и положилъ на главу свою златой венецъ. И садилсѣ младъ михаило сынъ даниловичь на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис киева града не воротами, а¹⁾ скакалъ черезъ ограду каменную, и поехалъ к почестному монастырю, к отцу своему даниле ивановичу²⁾ просить от него прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ михаило сынъ даниловичь ко отцу своему данилу ивановичу и сталъ у него просить благословения: «Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича и вынеть ис под знамени³⁾ челов.ка перваго, которой ведаеть думу царскую». Потомъ сталъ говорить отецъ его данило ивановичь: «Чадо мое милое, младъ михаило сынъ даниловичь⁴⁾, азъ я в киеве жилъ девяносто летъ выезжаючи ис киева побиваль девяносто побоищевъ и ис под знамени человека перваго не вынимываль, и х киеву къ великому князю вла/22/димеру всеславьевичю не проваживаль и на муку такова человека не давываль и греза на себя не принимываль. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добивайся до знамени перваго⁵⁾; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добивайся до знамени последнего, и ни на кого не надейся: Богъ тебе, чадо мое, на помощь подасть». Тогда младъ михаило сынъ даниловичь взялъ у отца своего благословение и прощение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича. Тогда поглядить в сторону — сила рять великая, в другую сторону посмотреть — и тово более, а на третью сторону погледить — аки вода сильная колыбается. Тогда младъ Михаила сынъ даниловичь утрашилсѣ и рече себе: Буде поехать мне молотдцу не побивъ побоища к столному граду киеву и великому князю владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позоръ мне будетъ великой; а какъ побью побоище и с того побоища поеду к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичю, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя владимера всеславьевича киевскаго и от своей братьи великая. Тогда младъ михаило сынъ даниловичь помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напущать онъ на полки татарские, что ясенъ со-

---

¹⁾ Ркп. и.

²⁾ В №№ 1 и 2 он назван по отчеству Игнатъевичем. В связи с «Ивановичем» нашего также стоит, быть может, название Михаила — Иваном в № 1.

³⁾ Ркп. земли.

⁴⁾ Ркп. Ивановичь.

⁵⁾ Ркп. чернаго, очевидно ошибочно; сл. далее противуположение: (перваго) — последнего.

коль на стада на галечья¹⁾. Тогда выезжают против михаила сына даниловича силныя богатыри три брата братовича, а с ними силы выходить по три тысячи. Тогда младь михаила сынъ даниловичъ убиль трехъ братьевъ братовичевъ, такожь и силу ихъ всю побиль. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князеи ширских, а силы с ними по семи тысячъ; и младь михаила сынъ даниловичъ убиль семь князеи ширскихъ, такожь и силу ихъ /23/ всю побиль. А потомъ выехали противъ михаила сына даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысячъ; тогда младь михаила сынъ даниловичъ убиль сорокъ царевичевъ, такожь и силу ихъ всю побиль. Потомъ выезжаютъ противъ михаила сына даниловича мурзы улановя, и говорятъ²⁾ ему таково слово: «Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовуть и по отечеству? и даи ты намъ сроку на три дня». — Тогда младь михаила сынъ даниловичъ ответъ держитъ: «Зовуть меня по имени михаилою, а по отечеству даниловичемъ, а ежду я ис краснаго stolного града киева отъ великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». То михаила сынъ даниловичъ далъ имъ сроку на три дня, а самъ поехалъ к белому своему шатру полотняному и стать в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дня и три нощи бес просыпу³⁾. А мурзы улановя в ту пору около полковъ своихъ копали рвы глубокия, ва рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстыми⁴⁾ ордынскими, делали мосты опрометныя. Тогда младь михаила сынъ даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарския — первой полкъ побиль; тогда напустилъ на второй полкъ и тотъ полкъ побиль; тогда напустилъ на третьей полкъ и тот же полкъ побиль. И в те поры младь михаило сынъ даниловичъ ввалися въ яму глубокою, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а михаилу сына даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по лхти, и повел ево в полки татарския ко царю бахмету сыну тавруевичю. Что взговоритъ царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «михаиле сыну даниловичю, какъ тебя, молотца, по имени зовуть, и которой ты деревни или вотчины»? Ответъ держалъ младь михаила сынъ даниловичъ: «Государь царь бахметъ сын тавруевичъ, по имени меня зовуть михайлою, а по отечеству сынъ даниловичъ; а ежду /24/ я истолного града с киева от великаго князя

¹⁾ Сл. «Слово о полку Игореве»: не буря соколы занесе чрез поля широкия, галици стады бежат к Дону великому. В битве под Перемышлем 1097 г. половецкий хан Боняк, по словам летописи, сбивает венгров в мяч, точно так как сокол сбивает галок // Соловьев. История России: Т. II (1852 г.), стр. 62-63.

²⁾ Ркп. — ить.

³⁾ Сл. эпизод с шатром в конце № 1 и выше мою заметку по его поводу.

⁴⁾ Ркп. полстыми.